

ДА П И Я

ТРУСКИНОВСКАЯ

ДЕМОН СПРАВЕДЛИВОСТИ
СЕКУНДАНТЫ
ЗАПАХ ЯНТАРЯ

Даля Трускиновская

Секунданты

«Автор»

1994

Трускиновская Д. М.

Секунданты / Д. М. Трускиновская — «Автор», 1994

Повесть Д. Трускиновской «Секунданты» – остросюжетная колоритная и, захватывающая превосходным сочетанием напряженной интриги, парадоксального построения и особого, нетрадиционного способа изложения. Интересные характеры, необычайные обстоятельства действий, юмор и наблюдательность автора доставят читателю немало приятных минут.

© Трускиновская Д. М., 1994

© Автор, 1994

Далия Трускиновская

Секунданты

Жизнь понемногу наладилась.

Убедившись, что Валька вовек не заработает больше двух тысяч в месяц, тесть, теща и Татьяна вдруг успокоились, да и его оставили в покое. Даже по утрам будить перестали.

Но Валька все равно слышал, как первой вставала теща, возилась в ванной, потом на кухне, минут через двадцать вставал тесть, тоже возился в ванной и перебирался на кухню, потом теща на цыпочках, уже совсем одетая, приходила в Валькину с Татьяной комнату вынуть из кровати двухлетнюю Илонку. Заодно она будила Татьяну, и та осторожно перебиралась через Вальку – он любил спать с краю.

К восьми утра дома уже никого не было.

До девяти Валька слушал лежа радио или маг, потом брел на кухню. Завтракал он медленно и наслаждался одиночеством – за все сутки только эти полтора часа принадлежали ему безраздельно, и он их любил. Потом, застелив тахту, Валька одевался и ехал на завод – бездельничать.

За что ему платили эти два куса, почему еще не уволили – он понять не мог. Если совсем честно – не очень и пытался. Работа свелась к присутствию в крошечной конурке возле склада инструментального цеха, где Валька числился контролером ОТК. А фактически он несколько лет проработал художником-оформителем, хотя никакого художественного образования не имел. Начальство рассудило на редкость здраво. Чтобы размалевать дурацкий экран соцсоревнования, диплом не нужен, да и не положено такой штатной единицы – оформитель с дипломом. Опять же, без экрана ему, начальству, почему-то нельзя было, бескорыстно корпеть над ним никто не станет, и проще всего спрятать молодого и неприхотливого балбеса с гуашью и ватманом в конуру возле склада.

Как год назад, как два года назад, Валька ощутил на щеке поцелуй жены, но сон еще длился, вываливаться в утро не хотелось. Хотелось разве что включить радио, но как-нибудь так, чтобы без малейшего движения. И очень осторожно, по капельке перелиться из тьмы в свет, из ночи – в обыкновенное утро.

Потомившись минут пятнадцать, Валька высунул из-под одеяла руку, стараясь зря не расходовать драгоценное ночное тепло, включил радио и сразу же услышал начинающуюся песню.

Такие песни должны любить пенсионеры, подумал Валька, потому что вся она была насквозь старомодная. Но было в ней и обаяние, прелестная печаль о несбыточном, да и не хотелось второй раз высовывать руку, гонять настройку. Вот почему Валька просто лежал и слушал.

– Ночь весенняя блистала свежей южною красой, тихо Брента протекала, серебримая Луной, – описывал итальянскую ночь мнимо-беззаботный голос. – Отражен в волне искристой блеск прозрачных облаков и восходит пар душистый от зеленых берегов...

Валька от души позавидовал тем, кто в такую ночь катается в гондоле. Еще и потому, что вот раскинулись на заднем сиденье, полоща холеные пальцы в адриатической воде, а лодка скользит, а над глазами – большие южные звезды. Прямо сон наяву.

Пока он так завидовал, песня подошла к концу и оказалось, что он ее толком и не услышал, так, хвостик поймал, про то, что смолкли пышные забавы, все спокойно на реке, лишь Торкватовы октавы раздаются вдалеке... Осталась лишь тоска, совершенно не утренняя, по той далекой гондоле и той поющей женщине, и тоска это вдруг сложила в голове кусочек песни, откуда-то из середины – и вдали напев Торквата гармонических октав... Что за октавы такие, подумал Валька, почему они звучат ночью над рекой?

Растревоженный немудреной песней, Валька выбрался из постели и на автопилоте побрел в ванную, думая, что Лешка наверняка скажет ему про эти Торкватовы октавы, его в детстве как раз на фоне играть учили целых три года, до бунта и вооруженного сопротивления.

По коридору Валька брел медленно, зная за собой способность со сна стукаться об углы. Но он все же споткнулся и чуть не влетел лбом в закрытую дверь. Это была упакованная пачка книг, судя по всему – толстых. Квартира иногда под завязку набивалась такими вот пачками. Теща наладилась промышлять дефицитными изданиями. Откуда-то она их привозила, куда-то увозила и даже похудела от этого бурного бизнеса. Валька в ее дела носу не совал. Но краешек бумаги он оторвал, чтобы посмотреть, что это за кирпичные тома. Стоя на корточках, он попытался прочесть слово на корешке, но буквы из серединки не складывались ни в какое знакомое слово. Тогда Валька осторожно вытащил всю книгу.

Это был солидный том в прекрасном темно-синем переплете и на газетной желтой бумаге. Наслушавшись за столом тещиных монологов, Валька стал в таких вещах разбираться. Автора звали Александр Корнилович. Валька открыл том, оказавшийся вторым, и прочитал – «История Петра Великого».

Со вздохом Валька засунул книгу обратно в стопку. Такую историческую тягомотину он бы и за деньги читать не стал. С него вполне хватило того Корниловича, которого еще в школе проходили. Теща в душе тоже не одобряла повального интереса к прошлому и позапрошлому веку. Но раз за Корниловича народ был готов платить деньги, даже за двухтомник на газетной бумаге, то и разговора нет!

На кухне Валька обнаружил макаронник, бутерброды с сыром и чайник со свежей заваркой. Чтобы не возиться с посудой, он поставил на стол всю сковородку, благо она достаточно остыла, и стал наворачивать макаронник прямо оттуда, особенно радуясь его поджаристым бокам. Бутерброды он решил унести в комнату и жевать их под хорошую музыку... впрочем, тот куплет так и не сложился, хотя явно записался на внутренний Валькин магнитофон. А музыка вот внутри слышалась, и даже виделась женщина – в длинном простом платье, с тяжелым узлом темных волос на затылке, с изящным профилем, сидящая почему-то не в гондоле, а за маленьким пианино. Рядом стоял круглый столик на ноге, на столике ваза, в вазе был большой букет. За столиком обнаружилось раскрытое окно. На подоконнике лежали скомканные перчатки и свернутый в трубочку лист бумаги.

Вот такое наваждение случилось утром с этим самым Валькой, невысоким блондином щуплого телосложения, примечательным разве что ясными и широко распахнутыми голубыми глазами, и с наваждения началась история настолько странная, что, когда он попытался ее толком осознать, ему пришлось набросать на бумажке краткий план событий, причудливо зацепившихся друг за дружку именно таким образом, а не каким-либо другим. Впрочем, перед тем, как войти в кабинет следователя, он эту бумажку, сплошь исчерканную за время сидения в коридоре, выбросил и на все вопросы отвечал четко и кратко.

Да, с Изабеллой Гронской познакомился на заводе, в марте, числа не помнит. Встречались несколько раз у нее в мастерской, что на озере. Она консультировала его перед поступлением на дизайнерские курсы.

В мастерской познакомился с ее соседями по дачному поселку и с Анатолием Широковым. Широков приезжал заказывать зайца. Он писал пьесу, где по ходу действия должен появиться почти натуральный заяц. Гронская обещала ему сделать зайца из папье-маше.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден.

Свое положение осознает.

Да, провести вечер в Доме работников искусств предложила она. Она хотела познакомиться с Микитиным. Они пошли искать Микитина по номерам. Нашли. Потом сидели в чьем-то номере и говорили... ну, о дизайнерских курсах, о чьей-то выставке. Там еще была

супружеская пара, друзья Микитина. Кто такие? Об этом лучше спросить его самого. Потом Микитин пошел провожать их на предпоследнюю электричку. Еще заходила женщина в брюках, принесла Микитину газеты. И пришли посидеть двое мужчин, принесли бутылку сухаря.

Гронская в это время ходила в гости на другой этаж. Да, она просто хотела познакомиться с Микитиным, чтобы тот помог насчет курсов. Она вернулась, когда все разбрелись, а Микитин еще не вернулся.

Она была очень сердита. Пожаловалась, что к ней в каком-то холле привязался пьяный. Чтобы не пошел следом, она обещала ему через пять минут прийти в этот холл на пятом этаже. Или в коридор. Или в холл. Где-то там, на пятом этаже. И удрала.

Валентин сам вызвался шугануть пьяного, чтобы не шастал по номерам в поисках Гронской? Вроде бы сам. Она попросила обойтись без шума, просто сказать пьяному, чтобы шел спать. Или, если понадобится, вывести его на свежий воздух поаккуратнее. Описала ли она пьяного? А зачем?

Приходилось ли Валентину слышать в мастерской у Гронской такое имя – Александр Миллер? Никогда в жизни.

По дороге к холлу он никого не встретил. Очень просто – он спустился с шестого по лестнице, а там все ездят на лифте. В коридоре горело лишь несколько лампочек. Да, было темновато. Пьяный стоял у огромного, во всю стену, окна. Расстояние между ними было... шагов десять? Пьяный услышал шаги и обернулся? Наверно... Он стоял на ковре? Конечно, там всюду ковровые дорожки. И Валентин стоял на ковре? Стоял. Так и окаменел.

И когда распахнулась дверь пятьдесят второго номера? Ну, стоял. Он просто ничего не понял. На том же месте. Его отпихнул толстяк в розовой рубашке. Или в бежевой. Потом закричали женщины. Толстяк пихнул его. К окну или от окна? Кажется, от.

Где была Гронская? Наверху. Ждала его. Потом он опомнился и побежал к ней. Рассказал... Ее реакция? Растерялась. Ошалела. Допила то, что оставалось в бутылке. А вообще она как, пьет? Всякое бывает... А вообще в этом Доме работников искусств пьют – будь здоров!

И ничего не сказала про пьяного? Сказала... повторить? Крепко про него сказала, на ту тему, что допился человек. Она его знала? Похоже, что не знала. Или очень плохо.

Того пьяного раньше никогда не видел. Ну, память-то профессиональная. Ошибка исключается.

Сосед приехал на машине за Гронской еще раньше. Он как раз тогда явился, когда к ней пьяный пристал. Может, она его по телефону вызвала, а может, заранее договорились. Там еще случайно оказалась одна ее подруга... Как зовут соседа? Хм... В мастерской Карлсоном дразнили. Он жил напротив. Подруга – Вера.

Вполне хватало имени «Карлсон», он же с крыши не слезал...

Да, об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден. Причина драки неизвестна. К пистолету даже не прикасался, как пистолет попал под кресло – кто его знает... Широков никогда не был агрессивным. В мастерской никто ни с кем не ссорился... Нет. Нет. Неизвестно. Да... Нет!

Валька провозился с плакатом по технике безопасности и не успел к открытию столовой. Чтобы не пихаться в очереди, он решил подойти к концу кормежки. Тем более, что «вольный» пропуск, позволявший ему являться на завод когда угодно, распространялся и на столовую.

подавальщица Маринка уже прилаживала к стеклянным дверям тяжелый деревянный брус, когда Валька наконец-то возник на пороге.

- Ну, куда, куда? – отодвинула она его дверной створкой. – Не видишь, закрыто!
- Еще четыре минуты! – возмутился Валька.
- Нам еще тех, кто внутри, обслужить!
- А как они выйдут?

– Выпущу!

– Ну, Мариша, три минуты же! – не сдавался Валька, хотя крепкая Маринка теснила его и он рисковал получить дверной створкой по лбу.

– Перебьешься. Денис Григорьевич вообще велел пораньше дверь закрыть.

– А чего это он?

– А того, что сегодня интерьер вешать будут.

– Без меня? – опять возмутился Валька. – Мариша, ну, две минуты же еще!

Но тут Марина вынуждена была приоткрыть дверь, выпуская дюжину девчонок со сборки, и Валька моментально просочился в щель.

Страхнув с рукава Маринкину руку, он подбежал к кассе и умолил выбить шницель с компотом.

Строгий график в столовой соблюдали неспроста. Одна стенка кормежного комплекса выходила на улицу. Там проковыряли дверь, разгородили столовую эфемерной стенкой и устроили кафе. Это был хоть какой, а навар для кассы прогорающего завода. Оставалось только навести порядок и торжественно открыть кафе. Для такой благородной цели начальство пошло на кое-какие издержки.

Архитектор зачем-то придумал в стенке столовского зала большую нишу. Она пустовала по меньшей мере пять лет. И вот вокруг нее засуетились люди. Они стали резво двигать стремянку, сверлить в стене дырки, что-то волокли с тачки на придвинутые к нише столы – увесистое и завернутое в мешковину. Валька узнал спину бывшего парторга Дениса Григорьевича, профиль директора столовки, знакомых ребят и среди них – Димку, который, видно, по привычке ждал его здесь до последнего мгновения и вот дождался – запрягли!

Валька со своим подносом спрятался за колонну, чтобы, обедая, еще и наблюдать за вывешиванием интерьера.

Тут народ перед нишей на секунду рассеялся и Валька увидел единственную в компании женщину.

Она была одного роста с мужчинами, в брюках, стриженная, и неудивительно, что сперва как-то затерялась в общей сутолоке. Но, разглядев ее, Валька чуть не охнул, потому что такие женщины не каждый день встречаются.

Она была в облегающем свитере, довольно широкоплечая, длинноногая, с тонкой талией, а под свитером и брюками, чувствовалось, налитая и крепкая, вроде мощных красавиц у старых мастеров. Но ей было еще далеко до той грани, за которой сила утрачивает грацию.

Пока Валька раздирал двумя вилками остывший шницель, на столе размотали мешковину и достали металлические штуковины. Их стали прилаживать в нише на разной высоте, причем галдели так, что голос женщины, командовавшей мужиками, совсем потерялся.

И тут Вальку обнаружил Димка Русаков.

– Ага! Вот ты где! – естественно, заорал Димка. – Денис Григорьевич, тут еще одна лошадиная сила имеется!

Все уставились на колонну, за которой сидел Валька, хотя просматривался разве что его локоть. Женщина же, отойдя в сторону, увидела его в лицо.

Несколько секунд она смотрела на него, не отводя глаз, с пугающей внимательностью, хотя ничего эдакого в Вальке не было, капуста на голове не росла и одевался он не у Диора.

Увидев, что и он на нее смотрит таким же неподвижным взглядом, женщина сделала гримаску, будто стряхнула с лица все лишнее и оставила зачем-то скупающее неудовольствие. Сделав три шага, она оказалась прямо в нише и опять принялась командовать, расставляя мужчин с железками в руках одной ей ведомым порядком.

– Русаков, Валя, давайте-ка сюда! – приказал бывший парторг. – Тут как раз две пары рук нужны.

Валька слушался разжалованного парторга не по привычке. Тот до сих пор был как бы его непосредственным начальством, давал иногда необременительную работенку, вроде плаката по технике безопасности, и, очевидно, дорожил Валькой как одним из двух своих последних подчиненных. Кем теперь был оформлен парторг, Валька не знал, но раз уж его не увольняли, соблюдал почтение – как, кстати, и многие на заводе.

Валька отнес поднос с посудой на транспортер и подошел к нише.

Тут оказалось, что женщина уже не очень-то молода, лет на десять старше, чем сперва показалось Вальке. Волосы у нее были жгуче-черные, короткие и прямые, подстриженные так, чтобы густая челка доставала до бровей, лицо – резкое, сухое, с прямым, малость крупноватым носом, но глаза при всем при том – светлые. Теперь Валька дал ей все сорок, отметив при этом, что его Татьяне бы такую роскошную фигуру... Татьяну-то после родов здорово развезло, а диета при ее сидячей работе прока не приносила.

Валька взялся за хвост бронзовой рыбины, ирреального гибрида щуки и угря, вместе с Димкой вознес эту рыбину на вытянутых руках туда, куда было велено, а женщина молча на нее уставилась.

– Изабелла Альбертовна, – почтительно обратился парторг, – такой вариант вас устраивает?

– Надо посмотреть еще издали, – сказала она, и они пошли в другой конец зала.

– Это кто такая? – спросил Валька у Русакова.

– Скульпторша, – объяснил Димка. – Изабелла Гронская. Слышал про такую?

– Ага, она не то заслуженная, не то народная. Только я не знал, что она еще и рыб лепит. Я думал, только людей.

– Лепит, лепит! – развеселился Димка. – Ты посмотри, чего она тут наваляла!

Бронзовая компания, розданная энтузиастам, состояла из двух фантастических рыбин, не менее фантастического краба, овечьей головы, плоского кувшина и блюда с экзотическими фруктами. Все это, укрепленное в нише на штырях, должно было символизировать богатство здешнего меню.

Скульпторша заботилась о художественных эффектах. Она требовала сдвигов на неуловимые доли миллиметра. Валька и Димка покорно перемещали свой ихтиологический гибрид.

Когда Гронская, поправляя рыбий хвост, встала на цыпочки возле Вальки и задела его грудью, он понял страшную вещь. Эта немолодая женщина ему нравилась, и нравилась именно тем, что в любой другой могло бы и оттолкнуть, – своей уверенной силой.

Мысленно Валька засуетился, ища возможность как-то с ней встретиться за пределами столовки. Кроме всего прочего, знакомство могло оказаться очень даже полезным. Она принадлежала к тому кругу людей искусства, в который заводскому оформителю-самоучке хода не было. И следовало сейчас сказать ей что-нибудь такое, чтобы она сразу поняла – он тоже не лыком шит, на выставках бывает, и этим вот, которых выдернули из цеха на полчаса – интерьер приколачивать, не чета...

– Учись, Валентин, – вдруг бодро адресовался к нему Денис Григорьевич. – Вот как мастера работают. Семь раз примерь – один раз отрежь. Не то, что некоторые – тяп-ляп, как на бумагу шлепнулось, так и ладно будет, и твердый знак с мягким путают.

Парторг подал Вальку Гронской, как на блюдечке, это он умел.

– Ну, что же вы человека конфузите, – разумеется, вступилась она. – Я тоже их путаю и ничего, жива.

– Вам можно. Вы их аршинными буквами на транспаранте не пишете, над вами весь завод потешаться не будет.

– Вы художник-оформитель? – обратилась скульпторша к Вальке.

– Он самый...

– Учитесь где-нибудь?

– Два раза на вступительных в академию провалился! – сердито отрапортовал Валька. – И больше туда не собираюсь!

– А напрасно, – гнул свою линию Денис Григорьевич. – В тебе определенно что-то есть.

– В его работах, вы хотите сказать? – поправила Гронская.

– Валентин, ты бы сбегал, принес, показал! – мгновенно среагировал хитрый парторг. – Пусть тебе умный человек скажет. А то корпишь-корпишь, как рак-отшельник, а потом в академию проваливаешься.

– Это будет очень интересно, – нейтральным тоном заметила скульпторша, – но давайте сперва добьем композицию. А то у меня в четыре комиссия, и это заседание я не могу пропустить.

Валька почувствовал себя, как отодвинутая мебель.

Он выключился из общего разговора и был очень доволен, когда рыбину стали приколачивать к стенке, а его отпустили.

Размышляя о том, что нечего неудачникам соваться к заслуженным и народным, Валька побрел к выходу. Гронская чуть раньше опять отправилась в дальний угол зала, чтобы бросить окончательный взгляд на композицию, и оказалась возле кассы одновременно с Валькой.

– Предлагаю такой вариант, – негромко сказала она. – Моя мастерская возле озера. До конца недели я буду там безвылазно, работы накопилось. Привозите свои вещи. Может быть, я смогу вам чем-то помочь.

– А это где? – ошарашенно спросил Валька.

Скульпторша дала адрес. Валька шепотом повторил его.

Весь этот разговор произошел очень быстро и для посторонних незаметно. Они могли понять это так, что Гронская вглядывается в свою бронзу и небрежно спрашивает у Вальки, как впечатление.

А потом она, не прощаясь, направилась обратно к нише.

Валька же двинулся к выходу и налетел на Маринку с кассиршей Крутиковой.

– Ну, ты даешь! – шепотом восхитилась Маринка. – Тут все перед ней на пузе ползают, а она его на дачу зовет!

– Тоже нашла сокровище... – брюзгливо заметила Крутикова. – Гений непризнанный, художник от слова «худо».

Удаляясь быстрым шагом от развеселившихся женщин, Валька услышал за спиной и вовсе пренебрежительное:

– Ни кожи, ни рожи!...

Конечно, странно было, что – сама Гронская, и вдруг – оформитель Валька, который действительно «ни кожи, ни рожи». Валька понимал, что с ее-то внешностью и в шестьдесят можно замуж выскочить. И наверняка вокруг нее вертелись стаями непризнанные гении, наверняка они ей до полусмерти надоели.

Так в чем же дело?

Этот вопрос не давал Вальке покоя до субботы.

Дома к его сборам отнесли с добродушной иронией. В субботу с утра Татьяна повывтаскивала из антресолей все его ранние работы, запакованные в коробки из-под конфет. Он перебрал их и вздохнул – стыд и срам, старшая группа детсада... Вот разве что любимые геометрические композиции с шарами и призмами, да и то – какой в них внутренний смысл? А новых было две, и обе – позавчерашние.

Все это время Валька мурлыкал про себя ту утреннюю песню. Под впечатлением он вытащил из-за стекла охапку художественных альбомов, над которыми теща дрожала, потому что – живые деньги, и выяснил, как на самом деле выглядит гондола. Естественно, попробовал нарисовать ночной пейзаж с водой и гондолой, но вранье получилось страшное, а главное – ничего

общего с песней. Тогда он нарисовал женщину в длинном платье за маленьким пианино, возле вазы с букетом. Тут уж песня хоть чуточку, да зазвучала.

А когда он обошелся без пианино, когда он просто поставил эту женщину у окна, возле стола с вазой, и положил ее руку на подоконник возле скомканных перчаток, а тонкая прядь выбилась из узла на шею и грудь, а вдали как-то сами собой возникли невысокие плоские холмы и река... причем ничего в этих холмах и реке не было итальянского...

Собираясь к Гронской, Валька обнаружил, что у нарисованной женщины одна рука короче другой, и вообще все сделано ужасно. Но поздно было малевать что-то новое. Он запаниковал.

Татьяна, которая в таких вещах напрочь не разбиралась, в конце концов ругнула его и отправилась с Илонкой гулять. А Валька еще полчаса сидел на тахте и громил вдребезги свои вчерашние мечтания. Он уже видел, как разложит перед ней на полу – знаем ваши богемные нравы, знаем! – свои листы, как она, конечно же, забракует первый, второй и третий, а над четвертым задумается, над пятым тоже. Потом медленно подойдет к телефону, накрутит номер и скажет в трубку другой какой-нибудь знаменитости: «Послушай, старик, я тут интересного парня нашла, не возьмешь ли ты его к себе осенью на дизайнерские курсы? Способный, да...» Или что они там говорят друг другу в подобных случаях.

Кое-что он все же отобрал. Остальное теща заставила вернуть на антресоли и только тогда выпустила из дому.

Дорога к Гронской заняла больше часа.

Ее дом стоял в дачном поселке среди свеженьких коттеджей, хотя на вид был довольно старый. Через дорогу как раз доделывали очередную новостройку. На крыше особняка возился коренастый мужичок в спецовке.

Перед домом Гронской был огород. Снег уже сполз, открыв голые грядки. За домом и справа от него был старый сад, калитка же находилась в проулке. И Валька понял, что Гронская и ее друзья – ленивые люди. Им удобнее было проковырять дыру в проволочном заборе и топтать к порогу через грядки, чем огибать угол и входить в дом приличным образом.

Валька вошел через калитку, миновал заросли сирени и постучал в дверь. Гронская громко пригласила вовнутрь.

Он вошел.

Из крошечной кухни-прихожей мастерская была видна вся целиком, потому что дверь между ними отсутствовала.

Гронская приветливо смотрела на Вальку из-за постамента, над которым лежала в воздухе женская зеленая фигура около метра длиной. Ее, как тот ихтиологический гибрид, подерживали штыри, только не сбоку, а снизу.

Валька повесил куртку на вешалку, приткнул к стене сумку и вошел. Гронская вышла из-за фигуры поздороваться. На ней были майка и тренировочные штаны – все облегчающее. А тут еще Валька углядел в углу гипсовую обнаженную даму, всей статью сильно похожую на Гронскую, и ему стало неловко.

Гронская приказала Вальке быть как дома и ушла на кухню варить кофе. Он и стал слоняться по мастерской.

Эта комната была больше, чем вся Валькина жилплощадь с ванной и туалетом вместе. Вдоль одной стены тянулись пятиэтажные нары из таких здоровенных досок, что хоть гостей спать укладывай – предварительно поснимав бронзовых болванчиков, гипсовые рожи, кривые кувшины и прочие, очевидно, еще студенческие грехи хозяйки. Напротив стояла этажерка с такой импортной искусствоведческой литературой, что теще и не снилась.

Над этажеркой висело маленькое пыльное распятие из блекло-желтого пластилина.

Крест за фигуркой Спасителя едва угадывался. Собственно, крест образовали канонически расположенные тельце и распростертые руки... впрочем, руками они могли показаться лишь издали. Это были два пригвожденных к кресту крыла.

Было в этой фигурке что-то такое пронзительное, такое отчаянное, что Вальке стало стыдно разглядывать ее с любопытством, пусть даже и с творческим любопытством.

Увидев на широком подоконнике наброски, Валька ухватился за них, стараясь не возвращаться взглядом к распятию.

Это была обнаженная лежащая девушка. На чуть намеченном лице выделялись разве что очки, да еще толстая коса лежала на груди. Эту девушку и лепила Гронская, видимо, пользуясь эскизами, когда натурщица отсутствовала. Только у зеленой пластилиновой фигуры короткие волосы торчали дикими клочьями, да и лицо тоже было диковатое...

– Садитесь, – сурово сказала Гронская. – Сейчас попьем кофе. Да не хватайтесь вы за сумку!

Валька, подавшийся было к прихожей, окаменел.

– Совсем не обязательно обливать ваши работы кофеем и мазать их яблочным повидлом, – пытаюсь смягчить оклик, объяснила Гронская. – Начнем с моих многочисленных вопросов... Во-первых... вам с сахаром?

– Да, – ответил Валька. Гронская, сунув руку за ситцевую занавеску, вытянула круглый белый одноногий столик.

– Там у меня лежище, – объяснила она. – Когда ночью не спится, устраиваю себе банкет.

Нисколько не смущаясь, Гронская собрала со столика грязную посуду, в том числе и коньячную бутылку, и унесла на кухню.

Валька с интересом посмотрел на этот столик. Где-то что-то похожее он недавно видел, с такими же маленькими нелепыми лапками, отходящими от основной ноги...

Гронская принесла с кухни две огромные глиняные кружки с горячим кофе, хлеб, банку с повидлом и здоровенный, на вид очень старый охотничий нож.

– Люблю старое оружие, – ответила она, не дожидаясь Валькиного вопроса. – Ну, поехали. Сколько вам лет?

– Двадцать пять.

– Намазать повидлом?

– Пожалуйста...

– Давно рисуете?

– Со школы.

– Лепить не пробовали?

– Как-то не получалось.

– Зря вы так нарядились.

Валька, и без того ошалевший от стремительного допроса, вовсе онемел. Татьяна же нарочно выдала лучший свитер!

– А то бы я прямо сейчас вручила вам корыто с глиной и посмотрела бы, на что вы способны.

Она так это сказала, будто принесенные работы не заслуживали ее высочайшего внимания. Хотя – вдруг их Вальке кто-то поправлял и вылизывал?

– А нет у вас старого халата? – вдруг, обидевшись, потребовал Валька. – Или рубашки?

– Точно! Халат я вам дам. А корыто одна вытащить не смогу, – без всякого удивления ответила Гронская.

– Тяжелое?

– Тяжелое – ерунда. Оно так стоит, что не подступишься. Если Пятый что-то сдуру засунет – краном не вытащишь.

Валька чуть не спросил – что еще за Пятый? Но слишком странно прозвучало слово – он мог и ослышаться.

– Вытащим, – пообещал он.

– Да вы допейте сперва кофе, – удержала его за столиком скульпторша. – Булку ешьте. Совсем забыла – у меня еще халва осталась. Вы любите халву?

Станным было, во-первых, то, что при таких словах все женщины гостеприимно улыбаются, Гронская же и не пыталась; во-вторых, она вдруг засуетилась; в-третьих, эта суэта совпала с неожиданным Валькиным ощущением – будто за ними исподтишка наблюдают.

Отродясь он не чувствовал затылком чужого взгляда. Но тут сразу понял, что надо обернуться.

По ту сторону окна облокотился о подоконник человек.

Он был фантастически круглолицый, только платочка недоставало, чтобы вообразить его улыбчивой деревенской бабулей у окошечка. Да еще стоял не с той стороны...

Гронская махнула ему рукой, чтобы заходил. Она сидела лицом к окну и наверняка видела, как подкрался этот человек. Но махнула лишь тогда, когда и Валька его заметил.

Пришелец, сняв куртку, вошел в мастерскую, и Валька увидел, что он не просто плотный, а даже толстый, хотя совсем не старый. Снял он и шапку. Оказалось, что его круглая голова подстрижена смешным ежиком, еще более почему-то забавным оттого, что пришелец начинал лысеть.

Небольшие темные глаза под красивыми соболиными бровями смотрели вполне просто-душно.

– Знакомься, Широков, – сказала скульпторша. – Вот, новое дарование я откопала. Зовут – Валентин. Двадцать пять лет. Будет поступать к Микитину на дизайнерские курсы.

Именно такие слова нафантазировал Валька. Реплика была – в самый раз для знакомства, каждое слово – правда, и про курсы тоже, Валька понимал это. И все же Гронская сейчас лгала – голос был лживый...

– Анатолий, – сказал Широков и протянул руку.

– Кофе будешь? – спросила Гронская.

– Буду. Ты еще для Карлсона чашку поставь, он как раз с крыши слезает.

– Нашел себе трактир... – пробурчала Гронская. – Ладно, я ему яичницу пожарю и пусть уматывает, а ты спустись с Валентином в погреб и вытащи корыто с глиной. Сам его туда затолкал – сам и извлекай!

Широков повел Вальку в погреб.

Он действительно так лихо задвинул корыто за ящики и бочки, что в одиночку можно было только вцепиться в край и тянуть до грыжи. Но Широков легко и даже изящно сдвинул пирамиду тяжелых ящиков, а вся польза от Вальки была в том, что он придержал дверь, пока Широков тащил корыто по лестнице. В мастерскую они внесли его вдвоем.

Там Гронская ставила на столик сковородку с яичницей, а коренастый мужичок с крыши вытирал свежевывмытые руки.

– Карлсон, – невозмутимо представился мужичок. – Поскольку живу на крыше.

– Очень приятно, – ответил, покосившись на Гронскую, Валька. – Валентин.

– Рад встрече с молодым дарованием! – пижонисто заявил мужичок. – Ибо уважаю талант в любых его проявлениях. И всякий раз, как сталкиваюсь, чрезвычайно радуюсь. А на днях я и в себе обнаружил зерно таланта. И сейчас бережно его пестую.

– Ты его поливай, – посоветовал Широков.

– Ешь скорее, – мрачно приказала Гронская. – Остынет, сам фырчать будешь.

– Для того, чтобы грамотно построить баню, талант тоже необходим, и даже в большей мере, чем для иных, бесполезных жанров искусства, – садясь за стол и не отводя взгляда от Вальки, продолжал ехидный мужичок. Нож и вилку он нашарил не сразу. – Ибо о таланте

можно спорить хоть сто лет и все равно не прийти к единому мнению, а если баня построена бездарно, это видно сразу и на деле.

– Мы познакомились в той кафешке, куда моих бронзовых крокодилов повесили, – объяснила Гронская. – Сейчас поедим, и Валентин покажет свои работы. Хочешь посмотреть?

– Я как-нибудь в другой раз, – сказал мужичок, наконец-то взявшись за яичницу и споро ее уминая. – Меня баня призывает. Я еще на крыше с полчаса поживу, потом баней займусь, потом за трубами ехать надо. Если есть желающие попасть в зоосад – подавайте заявки, охотно подкину. Говорят, туда экзотических зайцев привезли.

Он одним движением вытер сразу всю тарелку корочкой и отправил эту корочку в рот.

– Спасибо, все было безумно вкусно. Расплачусь натурой. Спинку в бане потру!

Улыбнувшись Гронской, скорчив рожу Широкову и еще раз быстро взглянув на Вальку, мужичок раскланялся и вышел.

Валька видел в окно, как этот ладный мужичок непонятного возраста, в ловко сидящей спецовке, протопал к дыре через грядки и вышел на дорогу. Обернувшись же, он заметил, что Гронская и Широков как-то странно переглянулись.

– Доставайте работы, – видно, решившись вытерпеть это тяжелое испытание, приказала Гронская. – Пятый, тащи на кухню посуду. Потом помоем.

– Изабо! Изабо! – раздалось за окном. Гронская повернулась.

Мужичок стоял посреди дороги. Гронская сделала два шага к окну, он увидел ее, притопнул, раскинул руки и заплясал цыганочку, колотя каблуками в утопанную землю. Блеснув диковинным вывертом, он замер, чинно раскланялся и исчез, как привидение.

– Ему о душе подумать пора, – сказала Гронская, – а он рожи корчит.

– Это он так к тебе сватается, – прокомментировал Широков.

Гронская покосилась на Вальку. Ему стало неловко. И именно от неловкости он задал совершенно ненужный вопрос.

– Как это он вас назвал?...

– Изабо, – ответила Гронская. – Меня все друзья так зовут. И этот вот тоже...

– Имя какое странное... Откуда такое взялось? – спросил Валька, которому пришло на ум, что это была бы неплохая собачья кличка.

– Старофранцузское имя. Из средневековой литературы, – объяснил Широков со вздохом. – Ну, так где же ваши работы?

Валька неторопливо раскидал листы по полу, сам отошел в сторонку и сделал вид, будто его все это не касается. Он заранее решил быть в такой момент исключительно сдержанным и независимым.

Это были портреты, гипсы, несколько давних натюрмортов и две последние работы, с той женщиной.

Именно их и поднял Широков. Посмотрел на женщину, потом покосился на Вальку и вернул листы на пол.

– По цвету я не специалист, – проворчала Гронская, прицельным взглядом оценив все сразу, – а что касается вот этого – враки, враки и еще раз враки!

Она потыкала пальцем в рисунки. Валька сник.

– Да сойдет для дизайнерских курсов! – вступился добродушный Широков, и это было самое обидное.

– Он с такой подготовкой и до творческого задания не дойдет. Знаешь, как там Микитин мудрит?

Гронская взяла с подоконника чистый лист и карандаш.

– Вот, рисую букву «бе» – «береза». В три приема преврати букву в дерево. Важны именно промежуточные стадии. И нарисуй свои инициалы так, чтобы через них выразить себя. Свой характер. Понял? Действуй.

Валька взял из ее руки карандаш, а сама она села с Широковым за неубранный стол, отодвинув кружки. Широков достал из кейса папку с бумажками и стал их показывать Гронской, а она молча кивала.

– А если бы ты позвонила главному в декабре, – вдруг сказал он, подняв за угол одну бумажку, – всей этой мерзости бы не случилось.

– Я не могу по три раза на дню звонить в издательство, – отрезала Гронская. – Полагаю, что все от меня зависящее я сделала и моя совесть чиста.

– Извини, – буркнул Широков и стал раскладывать листки по стопочкам.

– Ну, что я могу поделывать, если они привыкли мариновать сборники стихов по семь лет? – спросила Гронская. – Это просто такая привычка. Ты знаешь что-нибудь сильнее привычки?

– Да, ничего ты не могла поделывать. Хорошо хоть так получилось. Всего четыре года...

– Да, чуть больше четырех лет, друг мой Пятый.

Валька наострил уши. Да, точно, Пятый.

А Гронская взяла одну из готовых стопочек и прочитала наугад из середины:

– ...не мог спасти ты от купцов, фанатиков и подлецов, как не была во все века защитой голая рука, спасеньем не был лист бумаги...

И Валька понял, что первые слова она прочитала по листку, но дальше – наизусть.

Губы Широкова зашевелились – он сперва продолжил эти стихи про себя, а потом заговорил вслух:

– ...ну, а потом свалить уродства на тех, кто не терпел холопства, так просто было. Русь – сильна. Протянет без стихов она, поскольку гимнов хватит всем. Кремлевских горец Мандельштама ссылает в лагерь насовсем, чтоб злой поэт стал глух и нем...

– Вот за эти стихи его и вызывали, – заметила Гронская.

– А теперь такие штуки публикует каждый уважающий себя журнал, если не хочет растерять читателей.

– Мода... – проворчала скульпторша. – И скоро кончится. Когда запас покойников иссякнет. Не веришь – спроси у Карлсона.

– Все не так и все не вовремя, – подвел итог Широков. – Ну, будем считать это последней корректурой, и завтра же я отдам ее Верочке, а она отвезет в издательство.

– Сам не можешь?

– Пусть лучше Верочка. Она другого мнения обо всем этом деле.

– По мне, главное, чтобы обложку не испортили, – сказала Гронская. – Я ведь узкий специалист.

Широков стал укладывать листки в кейс. Гронская подошла к Вальке.

– Странно, но у него действительно есть фантазия, по работам я бы этого не сказала...

Она схватила карандаш, одной точной линией наметила более изящный вариант, задумалась и... стала рисовать. Валька вытянул шею, чтобы наблюдать. Он ждал от такого мастера, как Гронская, гениальных прозрений, но ей сходу далась только первая, основополагающая линия, дальше она уже просто мучала рисунок.

– Поеду, – объявил Широков. – Карлсон до зоосада подбросит.

– Опять твой заяц? – фыркнула скульпторша. – Тот, который дорогу перебежал? Все-таки?...

– Все-таки... – глядя в пол, подтвердил Широков. – Ведь мог же в тайге у кого-то жить ручной заяц? Ну, подобрали в лесу сироту, выкормили, стал домашний. Я про такие случаи в газетах читал. А?

– В газетах начала девятнадцатого века? – осведомилась Гронская. – И с чего ты решил, что там была именно тайга? И как ты себе представляешь живого зайца на сцене? Он же скачет! И вообще животное на сцене непредсказуемо.

– Заяц нужен, – решительно сказал Широков. – Про зайца я точно помню. Ну, побежал... Спасибо за вкусный кофе.

– Позвони завтра и все расскажи, – потеплевшим ради прощания голосом напомнила Гронская.

– Само собой. Всего хорошего... Валентин.

Но Валька видел, что Широков не забыл его имя и насилу вспомнил. Это было, как будто Широков что-то сказал ему без слов. А что – не понять.

Гронская, стоя у окна и опираясь на круглый одноногий столик, следила, как Широков заворачивал за угол Карлсонова дома. Потом она решительно направилась к этажерке. Вытащив штук шесть альбомов, она уселась с ними в продавленное кресло и, не обращая больше внимания на Вальку, стала в них копать.

Он понуро собрал с пола работы.

«Странно, но у него действительно есть фантазия». Вот и все комплименты. Похоже, курсы накрылись. Претензии предъявлять не к кому. Ну, заинтересовалась. Ну, разочаровалась. Кто виноват, кроме неудачника? В талант которого верит только родная жена, да и то больше по привычке?...

Работы в сумку он все же сложил аккуратно. И побрел в кухню-прихожую натягивать куртку.

– Стой! Ты куда? – окликнула Гронская. – За дверью висит черный халат, надевай и становись к корыту. Будешь глину месить. Посмотри, какая прелесть!

Заяц в импортном фотоальбоме только что не дышал.

– Вы будете его лепить? – догадался Валька.

– Вместе за вечер успеем. Потом я облеплю бумагой, глину выскребу и получится заяц из папы-маше. Слышал про такую технику? Обклеим мехом и подбросим Широкову! Представляешь, приходит Широков домой из своего учреждения, а у него на кровати спит заяц! А шкурку Карлсон из деревни привезет. Он теперь только и знает, что по деревням шастать. Банщик! Заяц будет – во!

Видимо, представив себе ошалевшего Широкова, Гронская неожиданно и громко расхохоталась.

И Валька понял, что раздражало его все это время. Гронская была или ворчливо серьезна и высокомерна, или вот так хохотала, но ни разу не улыбнулась, как будто вообще в жизни не улыбалась.

Над зайцем трудилась в основном Гронская.

Когда дошло до выклеивания готового зайца клочками бумаги, она доверила всю возню с клеем Вальке. Правда, велись и разговоры о творчестве. Но вот уже четвертая неделя пошла, а долгожданного звонка Микитину со словами: «Послушай, я тут талантливого парня откопала...» все еще не было. И вообще Валька разочаровался в богеме.

Он представлял себе мастерскую художника чем-то вроде клуба, куда вламываются полупьяные буйные друзья поспорить о прекрасных истинах, приводят с собой красивых женщин, матерят халтуру и пьют вина с изумительными названиями. Валька мечтал приобщиться к этой братии.

Но к Изабо никто не приводил ослепительных красавиц, не приносил французских вин, а курил только Карлсон, и то не трубку, а всякую дрянь. Мало экзотики было и в традиционной яичнице, которую ему с бурчанием жарила скульпторша, торопясь вернуться к своей зеленой девице.

Девица совершенно не менялась, хотя, когда бы Валька ни приехал в мастерскую, Изабо в тех же жутких штанах и в той же старой майке стояла у постаменты. Как-то Валька, пока на

зайце просыхал очередной слой папье-маше, помогал ей отпиливать кусок деревянного каркаса, который она высвободила из-под слоя пластилина.

Как правило, Изабо не обращала на Вальку особого внимания, полностью углубившись в работу. Время от времени она бормотала: «Враки, враки...» и принималась опять что-то переделывать. Впрочем, эскизы обнаженной девушки с подоконника исчезли.

Дома же началась воркотня. Домашние, зная кроткий Валькин нрав, не сомневались, что и этого за глаза хватит. Насчет дизайнерских курсов они не возражали – если есть возможность получить образование, то почему бы и нет? То, что курсы платные, как бы гарантировало надежность знаний. Тесть намекнул, что способен оплатить учебу. Но понять, что подготовка к экзаменам требует времени и сил, – это для тестя, тещи и Татьяны было уже сложновато. Они искренне считали, что конфетных коробок с антресолей за глаза хватит для любых курсов.

Когда Валька в третий раз провел полсубботы в мастерской, ему нудно перечислили, что он за это время мог и должен был сделать по хозяйству. Он же только и принес в дом, что самодельные глиняные свистульки для дочки, да и те без глазури, потому что у скульптора-монументалиста глазури в мастерской не бывает. Муфельная печка вот досталась Изабо от кого-то в наследство – и на том спасибо.

Валька покорился бы семье, как покорялся всегда. Но он попал в сферу притяжения мастерской, как, наверно, много лет назад попал Широков, как попал недавно, начав строить дом, Карлсон. Был и момент, когда он осознал это.

Изабо рассказала Вальке, что в мастерскую от автобусной остановки ведет и короткая дорога, мимо крошечного озера. Валька впервые шел этой дорогой – через насыпь с рельсами, через пустырь, через лесок. Он вышел к озерцу, и тут с ним сделалось что-то этакое – он узнал эти места. Когда-то он уже бежал здесь вдоль берега, мимо причала со старыми лодками, вдоль камышовых джунглей, откуда чинно выплыли селезень и уточка, и он останавливался, чтобы проводить их взглядом. На нем была синяя рубашка с короткими рукавами – которой, впрочем, у него никогда не было. И он весь был переполнен любовью, что-то такое ему наобещали судьба и ждущая за поворотом женщина, что он сорвался с места и опять помчался размашистым вольным бегом...

Наваждение оставило Вальку только в мастерской, где Изабо первые долгом дала ему разгон за безделье. Но тут он не вовремя поглядел на белый столик.

Все это было как-то между собой связано – женщина и столик с его рисунка, лодки у причала, песня, Торкватовы октавы, Валька только не мог понять, почему вся мистика закрутилась именно вокруг него. А тут еще и странные внимательные взгляды, которые он иногда ловил, отрываясь от кома мокрой глины. Изабо смотрела на него... но и только. Прочее поведение скульпторши было безукоризненно.

За это время один раз приезжал Широков, погулял с Изабо полчаса вокруг карлсоновского особняка и уехал, а она вернулась сердитая и до вечера была в дурном настроении. Что-то у них там не ладилось.

В четвертую субботу Валька уж хотел напомнить про курсы. Но начались события, которые выбили у него этот робкий вопрос из головы.

Изабо встретила Вальку, стоя за плитой. В кастрюле шкворчало что-то аппетитное.

– Сегодня Широков приедет, – сказала она. – Привезет торт и прочтет первые эпизоды своей пьесы. Так что приятно проведем вечер.

Валька хотел было сказать, что вечером, кровь из носу, должен быть дома, но вдруг решил остаться, а придумать вразумительное вранье ему было несложно – не впервые.

Изабо попросила принести со двора зеленеющих веточек для вазы. Валька обрадовался и выскочил из мастерской. Он знал, где на солнечной стороне уже раскрылись почки.

Когда он наломал приличный букет, из-за поворота навстречу ему вышла девушка. Она прямо на ходу разбиралась с плеером и шла наугад. Одета она была в брюки и короткую

курточку. Длинные волосы, стянутые на макушке в пышный хвост, то и дело вылетали из-за плеча.

Тут на своей крыше появился Карлсон и тоже увидел девушку. Но и Вальку он тоже увидел. Карлсон скроил Вальке страшную рожу и махнул рукой в сторону, что, видимо, означало – сгинь! Но клоунские штучки Карлсона Вальке приелись. Он отломил последнюю ветку и вышел девушке навстречу.

Все произошло очень быстро. Девушка подняла глаза на Вальку, сделала несколько шагов к нему, и последний шаг был уже падением. И она даже не упала, а просто легла клубочком к Валькиным ногам.

Карлсон, как обезьяна, слетел с крыши и оказался возле Вальки как раз вовремя, чтобы помочь ему поднять девушку. Вдвоем они быстро донесли ее до дверей мастерской.

Изабо выскочила на порог.

– Опять! – воскликнула она. – А ну, пустите...

Она подхватила девушку на руки и внесла ее в мастерскую, а дверь перед носом у Вальки и Карлсона захлопнулась.

– Ничего себе! Вот зверюга! – восхищенно шепнул Карлсон Вальке. – Вот это баба! Кр-рутая баба! Ну, пошли ко мне, что ли? Она и без нас приведет девочку в чувство.

– Может, «скорую» вызвать? – спросил Валька.

– У Верочки бывают обмороки, и Изабо уже научилась с ними бороться.

– Но она здорово перепугалась.

– Она очень любит Верочку.

Тут Валька, которого Карлсон незаметно увлекал к своему дому, встал как вкопанный. Длинные пушистые волосы, которые только что разметались по каменно утоптанной земле, и были той толстой косой на пропавших с подоконника эскизах. Валька не сомневался, что в сумке девушки найдутся и очки. Стало быть, к Изабо пришла обыкновенная натурщица? И из-за нее столько беспокойства?

Карлсон начал пространно и с выкрутасами рассказывать, какую устроит в погребе знаменитую баню. При этом он поглядывал на Вальку, как бы ожидая внезапного вопроса, и дождался.

– Верочка ее натурщица?

– Почему ты так решил? – спросил Карлсон, наверняка видевший на подоконнике эскизы.

– Она похожа на ту, зеленую.

– Бывают совпадения.

Когда Изабо позвала их обоих в мастерскую, Верочке уже полегчало. Она сидела в продавленном кресле с одним из роскошных альбомов и при появлении Карлсона с Валькой даже не подняла головы.

Очевидно, у Изабо с Верочкой только что окончился какой-то трудный разговор. Обе не хотели смотреть друг на дружку.

Карлсон посмотрел на Верочку, на Изабо, зачем-то опять ковыряющую свою зеленую девицу, и наконец на Вальку. Ощущение было такое, будто он все пытался завязать в узелок этих троих, и наконец-то узелок стал затягиваться.

– Ну как, Верочка, привезла? – спросил наконец Карлсон.

– Вот, на столе...

Валька посмотрел – там лежала маленькая, совершенно невесомая книжка. На обложке было распятие – то самое, что в пластилиновом варианте висело на стене. И там, и тут лицо распятого собственными крыльями человека было закрыто свесившейся наискось до губ прядью волос.

– Это сигнал книги, прямо из типографии, – объяснил Вальке Карлсон. – Прямо со скородки, понимаешь?

– Тираж уже пошел, – негромко сказала Верочка, – но пока он попадет на книжную базу, то есть, его с типографского склада будут полгода вывозить, это ужасно, я сказала начальнику склада, что за свои деньги куплю им бензин...

Теперь Валька увидел, что Верочка не такое уж юное создание. Уже наметились морщинки под глазами и в углах рта, уже и взгляд был не девичий. Возраст Верочки он определил в пределах двадцати четырех – двадцати шести.

– Самое ужасное не в этом, – хмуро прервала ее Изабо. – Что сказал Второй?

– Ну, я прямо от начальника склада побежала к нему, он обещал уладить насчет машины. Он столько сделал для книги, можно же, чтобы он сделал еще что-нибудь? – извиняющимся голосом спросила Верочка. – И он велел передать, что если найдутся еще кассеты с песнями и мы их отшифруем, он сообразит, где все это опубликовать.

– Сукин сын! – с чувством произнесла Изабо. – Он дождетя, что я сама приду к нему разговаривать.

– И получится бесполезный мордобой, – мягко вмешался Карлсон.

– Кто знает...

– Ты уж послушай меня, старого бюрократа.

– Какой ты бюрократ... – глядя куда-то в сторону, проворчала Изабо. И наступила тишина.

Карлсон медленно достал сигареты, зажигалку, посмотрел на Верочку, на Изабо и остановился взглядом на Вальке.

– Пойдем, покурим, – сказал он, но это было совсем не просьбой.

Валька покорно вышел с ним во двор.

– Верочке нельзя дым нюхать, – объяснил Карлсон. – Чего-то они не доругались.

Объяснение как объяснение, подумал Валька, но ведь Карлсона сейчас непостижимым образом выдворили. И он, для спасения самолюбия, прихватил с собой второго курильщика. Соблюл, так сказать, достоинство...

Карлсон присел на торчащий корень сосны и закурил, стряхивая пепел в новорожденную травку. Он молчал, молчал и Валька. Он только кивком поблагодарил Карлсона за сигарету и огонек.

Смутно было сегодня в мастерской и около.

Докуривая сигарету, Валька побрел обратно к дверям, думая, а не умнее ли смотаться. Совершенно случайно он заглянул в окно мастерской. И увидел кресло, а в кресле сидящих в обнимку Верочку и Изабо. Причем Верочка уткнулась лицом в плечо Изабо, а та гладила ее по спине.

Тут Валька решил, что наконец все понял.

Он немало наслышался о половых извращениях среди богемы. В основном это были пошлости о мужской взаимной любви. На заводе такие дела презирали. Приятель Димка показывал Вальке голубых возле общественного туалета. Люди были обычные, некоторые даже бородатые, что особенно удивило Вальку. Насчет лесбийской любви он имел смутное понятие – несколько картинок в порножурналах, и не более того. И вот, похоже, нарвался.

Странная пылкость, с которой сдержанная Изабо бросилась к лежащей в обмороке Верочке, нежность, с которой они сейчас обнимались, да и темная история с позированием, которую все дружно от Вальки прятали, да и вообще сам контраст – мускулистая Изабо и хрупкая Верочка, короткая стрижка жестких, явно крашенных черных волос – и шелковистая нежно-каштановая коса, перемазанные в зеленом пластилине крупные руки одной – и бледные слабые пальчики другой. А также хороший мужик Карлсон, которому в результате не видать скульпторши, как своих ушей. Ну вот, получил желанную богему! Бр-р...

Все так складно выстроилось, что Вальке захотелось уйти, не прощаясь.

Он был человеком правильным. Положено в двадцать пять иметь семью, растить ребенка, ладить с тестем и тещей – он все это соблюдал без размышлений. Положено в принципе быть верным мужем – в принципе он и был им, потому что среди заводских молодых мужей было еще одно негласное «положено» – время от времени затевать ни к чему не обязывающие романы, так, ради встряски. Встряивался и Валька. Даже без особой инициативы – иногда, сообразуясь со своими женскими настроениями, посреди рабочего дня к нему прибегала Надя из бухгалтерии и они запирались в конуре возле склада инструменталки. Но Надя – это так, благодаря ей он в мужской компании за пивом чувствовал себя полноценным сотрапезником, а вот если бы Надя развелась с мужем и предъявила претензии, Вальке пришлось бы ей втолковывать, что шалости сами по себе, а семья – сама по себе.

Карлсон докурил сигарету.

– Пошли, что ли? – сказал он застрявшему возле дверей Вальке.

И Валька пошел. Потому что не удирать же без сумки и куртки.

В мастерской Изабо уже кормила Верочку чем-то тушеным, с чесночком, с травками, Валька чуть слюнку изо рта не упустил.

– Опаздывает Широков, – сказала Изабо. – Садись, Валя. Пока он еще торт привезет! И ты садись... бюрократ.

Свое варево она вывалила в эмалированную миску и дала впридачу здоровый ломоть хлеба.

– Интересно, где он торт раздобыл? – спросил Валька. – Теперь торты под пять сотен, и то их нигде нет...

– А как вообще положено слушать пьесу? – поинтересовался Карлсон, получая свою миску. – Фрак со смокингом я оставил на яхте, а лаковые туфли еще не прибыли из Парижа.

– Пьесу принято слушать молча, – ответила Верочка.

Валька присматривался, ища новых подтверждений своей гипотезы, но никаких объятий больше не увидел. Изабо и Верочка участвовали в необязательной беседе, которую разухабисто вел Карлсон, и не более того. А тем временем совершенно бесшумно у окна возник Широков с кейсом в одной руке и с тортом – в другой.

Карлсон еще раз удостоверился, что его допустят к читке без фрака, все дружно убрали стол, принесли чашки с кофе, освободили место для рукописи и наконец притихли.

Широков достал папку с листами.

– Значит, так. Пьеса из жизни всем известного Александра Пушкина, – с дурацким пафосом продекламировал Широков. – Названия пока нет. Действие первое. Действующих лиц всего два – сам Пушкин, ему тридцать лет или около того, и Мария Николаевна Волконская, ей двадцать четыре или чуть меньше.

– А кто это такой – Пушкин? – спросил Валька.

Валькин вопрос вызвал легкое замешательство и сразу же – дружный хохот.

– Все правильно, – заметил Карлсон. – В школе не проходили.

– Теперь видишь, Пятый, какова здоровая народная реакция? – спросила Изабо.

– На фиг он им нужен! – подытожил Карлсон.

– Да перестаньте вы! – Верочка встала и обняла обиженного Широкова. – Мало ли чего не проходили! Широков, объясни ему, пожалуйста. Он же не виноват...

– Все очень просто, – проворчал Широков. – Бунт декабристов вы хоть по истории проходили?

– Ну? – спросил Валька, не из приличия, а потому что действительно вспомнил этот бунт.

– Как декабристов сослали в Сибирь, в рудники, проходили?

– Перестань, – одернула его Изабо. – Валя не виноват, что ты в такие глубины закопался.

– Почти все известные и начинающие писатели были так или иначе связаны с декабристами, – уже успокаиваясь, сказал Широков. – Ну, которые тихо сидели, тех припугнули. А которые пошустрее, или, не дай Бог, на Сенатскую выходили с пистолетиками, тех, естественно, в кандалы... Очень просто. Так Рылеева повязали, Одоевского, Бестужева-Марлинского, Корнилович чудом уцелел, допросами отделался. Кюхельбекер совершенно непонятно как за границей оказался, ездил потом по Европе и в голос кричал... да кто тут мог помочь?...

– Валентин, ты хоть одно имя узнал? – спросила Изабо.

– Корниловича, – честно признался Валька. – И «Думы» Рылеева помню. В девятом, что ли, классе... Скучные, правда.

– Ну вот, среди каторжан оказался молодой поэт Александр Пушкин. Его считали главной надеждой русской литературы. Но из стихов, поэм, прозы сохранилось очень мало. Рукописи и корректуры новых изданий пропали в Третьем отделении. До нас дошли клочки. В Сибири он много писал. Куда все делось – непонятно. Одни кусочки – то в альбоме, то в письме, то на полях чужой рукописи. Из ранних его вещей сохранилось немало, можно поверить, что он стал в Сибири настоящим поэтом...

– А проверить невозможно, – серьезно закончил Карлсон. – Ну, давай, читай, исторический экскурс окончен.

– Ладно. Итак, комната с простой мебелью в деревенском одноэтажном доме. На постели поверх одеяла спит ручной заяц...

Изабо и Валька переглянулись. Их сюрприз уже сох в укромном уголке, оклеенный кусками кроличьих шкур.

– Александр стоит у окна, спиной к зрителю. На нем поношенный сюртук, панталоны заправлены в валенки. Мария сидит у накрытого скатертью стола. Она в черном бархатном платье с белым отложным воротником. Рядом стоят пальцы с вышивкой. На столе корзинка для рукоделия. В руке у Марии несколько листов письма, которое она и читает вслух Александру. «Вчерашний бал австрийского посла удался на славу, – негромко читает Мария. – Графиня Долли была обворожительна. Я подошла к ней, мы шепотом обменялись несколькими словами. Зная, что я собираюсь писать к вам, она велела кланяться милым друзьям, которым она сочувствует всей душой». «Бедная Долли, – перебивает ее Александр, – как сладко ей сочувствовать с блюдечком ананасного мороженого в одной руке и с бальной книжечкой – в другой!» «Ты действительно не понимаешь, Саша, что для них это подвиг – на балу, где полно любопытствующих, говорить о нас и передавать нам поклоны? – спрашивает Мария. – Впрочем, если письмо бедной кухни тебя раздражает, я пропущу про бал...».

– Стоп! – Изабо захлопала в ладоши. – Широков, из какой тайги ты вышел? Кто так читает пьесы?

– Я так читаю.

– Но это же не пьеса, а рассказ!

– Написано у меня правильно, – и Широков показал ей страницу, – а читать мне интереснее так, я же не актер.

– Бог с тобой, продолжай.

– «Пожалуй, хоть и дальше пропускай, – говорит Александр, – ежели остальное в таком же духе...»

Широков исправно поминал каких-то исторически достоверных гостей на балу у австрийского посла Фикельмона, и Валька, естественно, отключился. Между его слухом и ровным глуховатым голосом Широкова как будто стенка выросла, и в какой-то миг оказалось, что Валька отгородился песней про южную ночь.

Песня словно тянула, вытягивала что-то с самого доньшка души, и на оборотной стороне век нарисовалась странная комната. Она была вроде ящика с открытой боковой стенкой, обитого изнутри дорогой узорной материей с блеском, причем окон не было вовсе, ни одного, и

Валька твердо знал, что в откинутой стенке их тоже нет. В ней была лишь невидимая дверь, тяжелая, отвратительная, с глазком, как в тюремной камере. А там, где в стене вполне могло быть окно, стоял спиной к Вальке невысокий щуплый человечек в сюртуке, обтянувшем узкие ссутуленные плечи, и в валенках. Он уткнулся лбом в турецкие огурцы узора. Кудрявые и сильно поредевшие его волосы отливали легким серебром.

Еще в комнате была женщина. Она сидела возле небольшого пианино, изящного, подлинно дамской игрушки, в полной гармонии с прекрасной тканью, с изящным столиком для рукоделия, но в совершеннейшем противоречии с глазком невидимой двери. Женщина была невысока ростом, в черном платье с большим белым воротником, во вязаной шали, ее черная коса была уложена на затылке, а длинные локоны на висках обрамляли взволнованное лицо. Очевидно, она только что плакала, и теперь осторожно промокала глаза платочком, боязливо поглядывая в сторону Вальки. Валька понял – боится, как бы не вошли. И еще понял, что именно он сейчас подсматривает...

На пианино лежали ноты. Двойной разложенный лист вдруг стал расти, занял все пространство перед глазами и Валька прочел название над первым нотным станом. «Баркарола» – так было написано крупными буквами с выкрутасами, а сбоку мелко слова песни, не дававшей ему покоя уже который день: «Ночь весенняя блистала свежей южною красой...» Вполне возможно, что за стенами этой обреченной и запредельной комнаты была сейчас ночь, но уж никак не южная. Какой же тут, к бесу, юг, если валенки и шаль на зябких плечах, если нарядная ткань на стенах не спасает от яростных сквозняков?

– Я не могу слышать эту песню... – сказал тот мужчина в сюртуке.

– Я все понимаю, Сашенька, – ответила женщина.

– Но ты спой, – вдруг попросил он.

И тут стали таять загадочные нотные закорючки, остался только лист, он тоже куда-то исчез, рухнула стенка между Валькой и теми, кто слушал занудное сочинение Широкова. Теперь и у него в ушах звучал рассудительный голос.

– «Не могу же я вовсе без книг обойтись, – говорит Александр. – Приучен читать, душа моя, притом же, читая пренудное сие сочинение, внутренне я веселился, потому что скушнее написать невозможно». «И только ради этого?» – спрашивает она. «Только ради этого, – отвечает он. – Еще несколько времени – и попрошу я, чтобы мне прислали Чегьи-Минеи, чтением которых я развлекался зимой двадцать четвертого года. Но тогда ко мне был приставлен святой отец, дабы я от сей книжицы не уклонялся. А ныне чтения от меня требуешь ты, душа моя, и я даже не могу подпоить тебя ромом, как того монашка...»

Валька посмотрел по сторонам – Широкова не перебивали, но и удовольствия его пьеса никому не доставляла.

– «Ты теряешь чувство меры, мой друг», – заметила Мария. «В том же я могу упрекнуть и тебя». «Меня?» – испугалась она. «А кто иной постоянно мне напоминает, что я сижу в этой проклятой тайге без дела, что я позабыт всем миром, что бездарные писаки заполнили петербургские альманахи, и ты же еще спрашиваешь меня, не желательно ли мне подержать в руках такой журналец! А время меж тем идет, и более десяти лет я не видел ни одной своей строки ни в журналах, ни в альманахах, только в наших блуждающих тетрадках, которых хорошо коли шесть штук наберется. А господ читателей – хорошо, коли вчетверо больше, считая грудных младенцев!...»

Широков замолчал, выпил с полчашки кофе и продолжал читать этот скучный, невзирая на восклицания, разговор.

– Мария ничего не ответила и лишь поднесла платок к глазам. Александр стремительно подошел к ней, опустился на колени и взял ее руки в свои. «Прости меня, – сказал он. Это просто меня гнетет безысходность. Когда человеку в расцвете творческой поры предоставлены

три права: выть от смутной тоски по лучшему миропорядку, заниматься самобичеванием или же ковырять в носе...»

– Стоп, стоп, враки! – закричала Изабо. – Тут ты загнул! Насчет ковыряния в носе – это тебе не пушкинский афоризм!

– А все остальное – из этого самого Пушкина? – удивленно спросил Валька.

– Мы не знаем, что говорил в Сибири Пушкин Марии Волконской, но этого он сказать ну никак не мог, – ответила ему Изабо. – Это сказал совсем другой человек. Анатолий думал о нем, когда писал пьесу, вот его афоризм туда и попал.

– Его там нет, – возразил Широков и в доказательство предъявил машинописный лист.

– Ты думал, иначе мы не догадаемся, кого ты вывел в образе Пушкина? – спросила Изабо.

– Нет, не то... Я проверял реакцию, что ли... Я писал эту пьесу и воспроизводил на внутреннем магнитофоне интонации Чеськи. Ну, мне нужно было, чтобы они естественно возникали в пушкинском монологе...

– Возникли, – сказала Верочка. – Даже не по себе стало. Я смотрела, слушала и не понимала, зачем вообще Изабо затеяла этот балаган! С пьесой и тортом! А потом до меня дошло, насколько это смешно... и вообще...

Но ей уже не было смешно, с ней сегодня творилось неладное, она так мотала головой, что хвост каштановых волос носился за спиной, со свистом задевая стенку. И кулачки полупрозрачные закаменели, и она трясла этими бессильными кулачками, как будто этим могла что-то объяснить остолбеневшему Широкову и вдруг утратившей азарт Изабо. Карлсон крепкой лапой обнял ее за плечи, унял дрожь, пододвинул к ней чашку с остывшим кофе и принялся вполголоса уговаривать выпить и успокоиться.

– Твоя пьеса в таком виде интересна только нам троим, и она даже не пьеса, – сурово говорила тем временем Изабо Широкову. – В ней нет действия и не предвидится. Всего два персонажа...

– Но Чесс задумывал именно так – Александр Пушкин и Мария Волконская! Я точно знаю.

– Откуда мы знаем, что он задумывал! Он рассказал тебе про Пушкина и Волконскую, потому что вычитал о них в «Вопросах литературы» какую-то гипотезу. А потом стал фантазировать дальше.

– Я пытаюсь разгадать, что хотел сказать этой пьесой Чесс, – не унимался Широков.

– И вообще можно съездить за цветами и шампанским! – нес ахинею Карлсон, и это непостижимым путем успокаивало Верочку. – Ты когда-нибудь пила шампанское в бане? Ну, в недостроенной? Я сейчас подгоню машину и рванем за бутылкой! Извиняй, Анатолий, слушатели из нас никудышные. Вот когда твою пьесу поставят и по телевизору покажут, я под нее даже бутерброд жевать не буду, честное слово!

– Мне убрать рукопись? – спросил Широков.

– Давай сюда! – приказала Изабо. – Мы лучше прочитаем все по очереди. Так будет умнее всего. И без всякого балагана.

Она покосилась на Верочку. Но та уже пила остывший кофе, преданно глядя в глаза симпатяге и специалисту по дамской истерике Карлсону.

Дальнейший разговор был самый бестолковый – одновременно Широков пересказывал содержание следующей сцены, где Пушкин рассуждал о своей несостоявшейся дуэли с Толстым-Американцем, цитировал наизусть здоровенные куски из дуэльного кодекса и клял друга-демона, отравившего всю его жизнь, – Раевского; Верочка вспоминала что-то типографское; Изабо требовала от Карлсона, чтобы он наконец врезал ей новый замок; Валька делил торт. В разговоре этом выяснилось, кстати, что Микитин уехал из города на месяц и вернется к началу июня, не раньше. Валька понял, что и эта поездка в мастерскую была в сущности бесполезна. Он засобирался домой.

Услышав слово «теща», Карлсон проникся к нему неслыханным сочувствием и обещал доставить прямо к дому на своем «Москвиче», все-таки не час на дорогу, а в худшем случае двадцать минут. Он предложил свои услуги и Широкову, тот не отказался и вопросительно посмотрел на Верочку, но она сообщила, что переночует в мастерской, им есть о чем поговорить вечером с Изабо.

Сообщение это явно не обрадовало ни Карлсона, ни Широкова. А Валька решил для себя, что его эти проказы не касаются и ему они безразличны.

Карлсон выбрал объездную дорогу, которая под вечер была совершенно пустынна.

Валька с Широковым, сидя на заднем сиденье, говорили о дизайнерских курсах, когда Карлсон вдруг остановил машину и повернулся к ним.

– Разговорец есть, – решительно сказал он.

Широков отвернулся и уставился в окошко.

– Ты, Валентин, парень умный, – задушевно начал Карлсон, – и все поймешь без рассусоливаний. Тебе лучше больше не появляться в мастерской у Гронской. Лучше для всех...

Валька посмотрел на Широкова, но тот приклеился взглядом к окошку.

– Вот и Анатолий подтвердит, – жестко сказал Карлсон.

Широков неохотно повернулся и набычил круглую голову. Это, видимо, означало кивок.

– А что случилось? – как можно хладнокровней и независимей спросил Валька. – Я поперек дороги кому-то встал? Или кого-то обидел? Так я вернусь и извинюсь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.